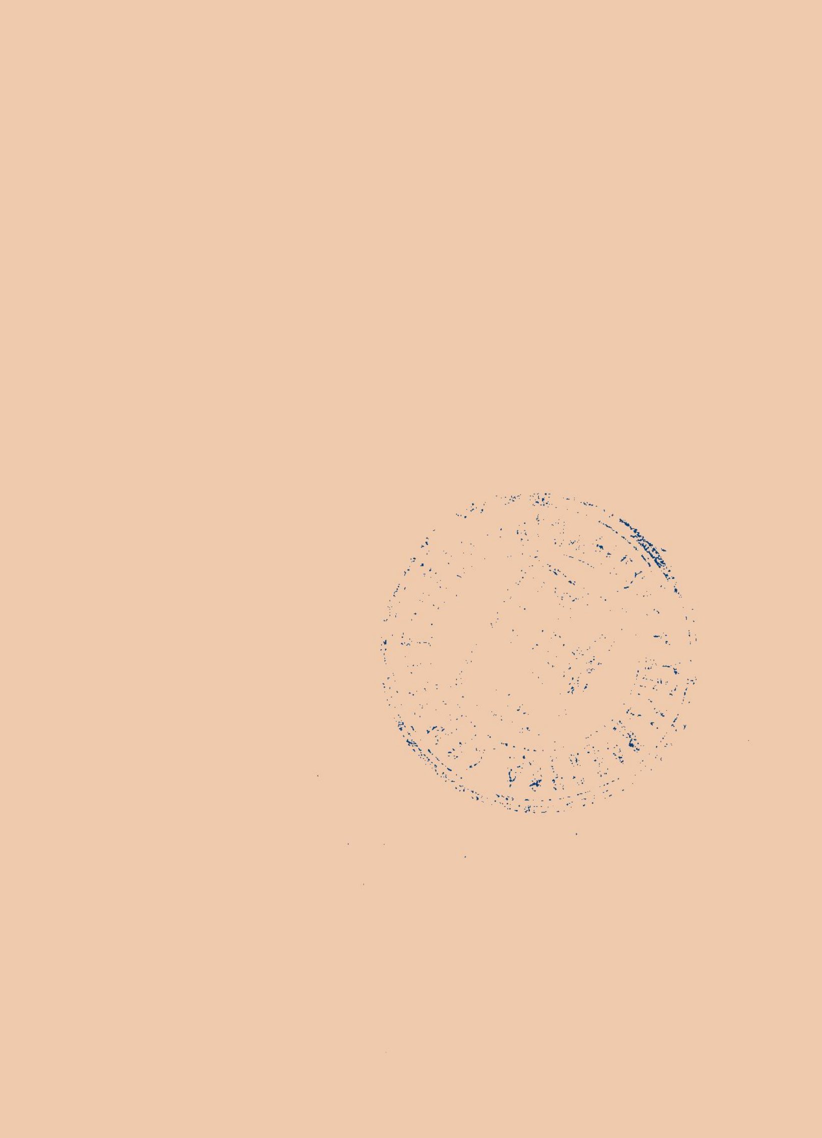
Сумцов Н. Ф

Харьковский период научнои деятельности И. И. Срезневского

Н. Ф. СУМЦОВЪ.

ХАРЬКОВСКІЙ ПЕРІОДЪ

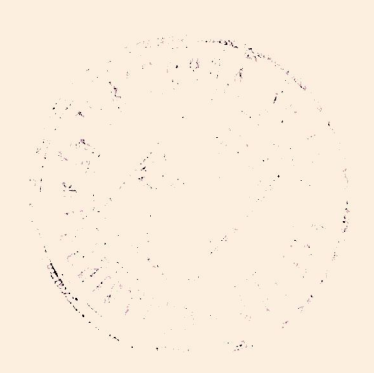
научной дѣятельности

И. И. СРЕЗНЕВСКАГО.

Отдѣльный оттискъ изъ сборника «Памяти И. И. Срезневскаго».

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Императорской Академіи Наукъ.
Вас Остр., 9 лин., № 12.
1914

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Сентябрь 1914 г.
За Непремѣннаго Секретаря Академикъ *К. Залеманъ.*

ХАРЬКОВСКІЙ ПЕРІОДЪ НАУЧНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И. И. СРЕЗНЕВСКАГО.

Научная дѣятельность Измаила Ивановича Срезневскаго распадается на два періода—харьковскій съ 1831 по 1847 г. и петербургскій съ 1847 по 1880 г. — годъ кончины. Въ частности харьковскій періодъ дѣлится на двѣ почти равныя по времени части: 1) съ 1831 до 1839, до поѣздки за границу и 2) съ 1842 по 1847, отъ возвращенія изъ-за границы до перехода на службу въ Петербургъ.

Въ тридцатыхъ годахъ, т. е. въ первый харьковскій періодъ, научная дѣятельность Срезневскаго носила мѣстный краевой характеръ. Авторъ цѣнной біографіи И. И. Срезневскаго въ Русскомъ біографическомъ Словарѣ 1908 г. говоритъ, что харьковскій періодъ своимъ особымъ характеромъ рѣзко отличается отъ петербургскаго. Гранью между двумя періодами легло путешествіе, оказавшее рѣшительное вліяніе на научные и житейскіе взгляды Срезневскаго; пять лѣтъ профессуры въ Харьковскомъ университетѣ по возвращеніи изъ путешествія авторъ біографіи относитъ по характеру дѣятельности уже къ новому петербургскому періоду; но съ этимъ утвержденіемъ трудно согласиться. Эти переходные годы весьма интересны въ томъ смыслѣ, что наряду съ мѣстными учеными интересами у Срезневскаго выростаютъ новые, болѣе широкіе, всеславянскіе. Въ сороко-

выхъ годахъ И. И. еще работалъ по малорусской этнографіи, интересовался дѣятелями малорусской литературы, и одновременно въ тиши ученаго кабинета въ его лицѣ въ Харьковѣ вырабатывался тотъ глубокій лингвистъ, который черезъ два года, по переѣздѣ въ Петербургъ, въ 1849 г. далъ «Мысли объ исторіи русскаго языка», изслѣдованіе небольшое по объему, но чрезвычайно богатое по внутреннему идейному и фактическому содержанію.

Петербургскій періодъ дѣятельности Срезневскаго, благодаря серіозной предварительной подготовкѣ, сразу начался блистательно, въ видѣ превосходнаго содержательнаго университетскаго курса и цѣлаго ряда строго обдуманныхъ ученыхъ трудовъ.

Срезневскій петербургскаго періода рѣзко отличается отъ Срезневскаго періода харьковскаго, главнымъ образомъ по развитію въ немъ самостоятельной ученой индивидуальности. Въ Петербургѣ Срезневскій представлялъ собою крупную самостоятельную величину; въ Харьковѣ онъ былъ отраженіемъ мѣстныхъ культурныхъ настроеній.

О раннемъ періодѣ научной дѣятельности И. И-ча нельзя говорить безъ того, чтобы не обратиться къ внутренней жизни харьковской интеллигенціи 30-хъ годовъ. Харьковъ въ то время, несмотря на существованіе въ немъ университета, былъ большимъ украинскимъ селомъ, съ громаднымъ большинствомъ еще не успѣвшаго обрусѣть украинскаго населенія; интеллигенція носила сильный украинскій отпечатокъ. Вполнѣ естественно, что и великороссъ Срезневскій, привезенный въ Харьковъ двухмѣсячнымъ ребенкомъ, прожившій здѣсь безвыѣздно около тридцати лѣтъ, на первое время получилъ довольно яркую малорусскую окраску.

Учителемъ Срезневскаго былъ Артемовскій - Гулакъ, ректоръ университета, человѣкъ съ большимъ самомнѣніемъ, влюбленный въ мундиръ и ордена, что не мѣшало ему быть отличнымъ знатокомъ малорусскаго языка, писать сильные, выразительные малорусскіе стихи и даже проводить въ нихъ демократическія идеи.

Одновременно подъ Харьковомъ на Основѣ проживалъ другой, болѣе талантливый, болѣе демократическій украинскій писатель — Квитка, авторъ малорусскихъ повѣстей и комедій большого литературнаго достоинства, разносторонній общественный дѣятель и тонкій наблюдатель народнаго быта. Въ малорусскихъ повѣстяхъ Квитки ярко пробиваются народные этнографическіе элементы, пѣсни, преданія, повѣрья, обряды. Срезневскій уважалъ Квитку, совѣтовалъ изучать его малорусскія повѣсти и, по его кончинѣ, въ 1843 г. напечаталъ въ Москвитянинѣ теплый некрологъ.

Возбуждающимъ образомъ на Срезневскаго должно было подѣйствовать его близкое знакомство съ харьковскимъ профессоромъ идеалистомъ-народникомъ Метлинскимъ. Съ раннихъ лѣтъ ознакомившись съ народной поэзіей своей родины, Метлинскій страстно полюбилъ ее, собиралъ пѣсни, записывалъ мелодіи, писалъ малорусскіе стихи; какъ человѣкъ очень добродушный, онъ сильно привязался къ сравнительно съ нимъ гораздо болѣе талантливому и болѣе энергичному Срезневскому.

На И. И-ча въ университетѣ большое вліяніе оказалъ кружокъ его товарищей — украинцевъ. Исторія украинскаго движенія знаетъ нѣсколько случаевъ, когда студенты идеалисты - народники оказывали большое вліяніе на болѣе талантливыхъ товарищей и давали имъ направленіе,

или временно, какъ это было съ Срезневскимъ, или на всю жизнь, какъ это было съ Потебнею *).

Измаилъ Ивановичъ имѣлъ въ юности нѣсколько преданныхъ друзей—двухъ братьевъ Евецкихъ, Шпигоцкаго, Росковшенка. Они были вдохновителями молодого ученаго, доставляли ему этнографическіе матеріалы, согрѣвали его силой своего энтузіазма. «О другъ мой», писалъ въ 1831 г. Шпигоцкій Измаилу Ивановичу, «ревнуй, ревнуй о пробужденіи малороссійскаго генія и вѣрь мнѣ: твои труды будутъ оцѣнены... Работай..., и пламень духа, всегда стремящійся выспрь..., разольетъ румяное зарево, вѣнокъ твой, вѣнокъ твоему самоотверженію для славы тебя питающей и поящей Украины».

При всѣхъ мѣстныхъ связяхъ и мѣстныхъ увлеченіяхъ Срезневскій, однако, считалъ себя чужимъ человѣкомъ для Украины, и въ письмѣ къ матери изъ Москвы своей родиной называлъ Великороссію, говорилъ, что онъ «вскормленъ на чуждой странѣ».

Отношенія Срезневскаго къ малорусскому языку отвѣчали его общему отношенію къ Малороссіи: сначала чрезмѣрное увлеченіе, затѣмъ холодность и въ концѣ жизни почти непріязненное отношеніе. Въ статьѣ «Взглядъ на памятники украинской народной словесности» 1834 г. Срезневскій признавалъ украинскій языкъ самостоятельнымъ славянскимъ, превозносилъ его лексическое богатство, живописность и благозвучіе. Послѣ многихъ лѣтъ молчанія, въ 1860 г., въ отзывѣ объ исполненномъ Морачевскимъ переводѣ евангелія на малорусскій языкъ, Срезневскій еще

*) Потебня вспоминалъ въ старости съ чувствомъ глубокой благодарности своего товарища студента Нѣзовскаго, скончавшагося въ молодыхъ лѣтахъ.

высказываетъ рѣшительное убѣжденіе въ правѣ и необходимости отдѣльной малорусской словесности и находитъ, что будущее ея «полно надеждъ»; но въ лекціяхъ 1870 г., его взглядъ на малорусскій языкъ сильно измѣняется; онъ видитъ въ немъ только мѣстный говоръ и высказываетъ замѣчаніе, что «нѣтъ никакой нужды уничтожать или прекращать письменность на мѣстныхъ нарѣчіяхъ, но нѣтъ необходимости дѣлать эту письменность самостоятельной отдѣльной литературой, принадлежащей какъ бы отдѣльному народу». Положеніе это бросается въ глаза по своей несостоятельности. Живое слово не можетъ быть ограничиваемо въ своемъ развитіи; всякій живой народъ имѣетъ полное право на неограниченное развитіе его языка и чувствуетъ насущную необходимость въ созданіи самостоятельной литературы, какъ лучшаго средства для охраны и правильнаго развитія своей національной личности. Слово народное построено на любви и знаніи, двухъ элементахъ, не подлежащихъ ограниченію.

Въ научной дѣятельности въ Харьковѣ И. И. проявилъ большое разнообразіе интересовъ. Главнымъ предметомъ его занятій — оффиціально, по служебному положенію была статистика и политическая экономія, по расположенію — мѣстная этнографія, преимущественно пѣсни. Живой интересъ къ народному пѣснотворчеству повлекъ за собой изученіе исторіи Малороссіи вообще, исторіи Слободской Украины въ частности. На почвѣ историческихъ и этнографическихъ изученій возникло желаніе ознакомиться съ малорусской литературой во всемъ ея объемѣ, ознакомиться лично съ ея главными представителями — Котляревскимъ, Артемовскимъ и Квиткой.

Молодой ученый работалъ съ чрезвычайной энергіей

и сильно разбрасывался. Когда редакція Журнала Министерства народнаго просвѣщенія въ 1838 г. пригласила его въ сотрудники, онъ сразу предложилъ ей на выборъ одиннадцать статей по статистикѣ и по исторіи Малороссіи.

Трехлѣтнее пребываніе заграницей и послѣдовавшій вскорѣ затѣмъ переѣздъ въ Петербургъ оказались для Срезневскаго очень важными потому, что расширили его кругозоръ и привели его къ углубленію ученой дѣятельности. Особенно благотворно отразилось на этой дѣятельности привлеченіе его въ члены Академіи Наукъ, другими словами, предоставленіе ему возможности проявить его рѣдкую трудоспособность и столь же рѣдкую научную иниціативу.

Любовь къ этнографіи въ Срезневскомъ была воспитана пѣвучимъ мѣстнымъ населеніемъ. Украинскія народныя пѣсни въ Харьковѣ въ 20-хъ и 30-хъ годахъ были въ полномъ ходу и многихъ великороссовъ расположили въ пользу украинской народности. Великороссъ Павловскій такъ увлекся народными пѣснями, что сталъ изучать малорусскій языкъ и въ 1818 г. издалъ Грамматику малороссійскаго нарѣчія. Въ предисловіи онъ говоритъ: «Нѣсколько лѣтъ живучи въ Малой Россіи, довольно могъ примѣниться къ національному характеру ея жителей... Они имѣютъ... наклонность къ музыкѣ и способность къ пѣнію. Пѣсни ихъ... безподобны. Что можетъ быть разительнѣе, какъ слушать, когда малороссіяне по вечерамъ пріятныхъ лѣтнихъ дней, собравшись во множествѣ на пригоркѣ въ кружокъ, поютъ свои заунывныя пѣсни?»

Одновременно другой великороссъ, помощникъ попечителя харьковскаго учебнаго округа князь Цертелевъ обращается къ изученію малорусской народной поэзіи и въ

1819 г. выпускаетъ первый въ малорусской этнографіи сборникъ малорусскихъ думъ.

Черезъ двѣнадцать лѣтъ великороссъ Срезневскій пошелъ по тому же пути, на почвѣ также мѣстныхъ харьковскихъ изученій и увлеченій народной поэзіей. Онъ помѣстилъ въ Украинскомъ Альманахѣ въ 1831 г. двѣ популярныя думы— о бурѣ на Черномъ морѣ и о бѣгствѣ трехъ братьевъ.

Въ Украинскомъ Альманахѣ и состоялось первое литературное выступленіе И. И-ча, когда ему было всего 18 лѣтъ. Срезневскій проявилъ сразу два увлеченія—любовь къ малорусской этнографіи и любовь къ языкознанію.

Весьма интересна статейка подъ заглавіемъ «Мысли и замѣчанія», какъ первое проявленіе того интереса къ лингвистикѣ, который черезъ 18 лѣтъ—въ 1849 г. нашелъ себѣ блестящее и плодотворное проявленіе въ статьѣ «Мысли объ исторіи русскаго языка»*).

«Мысли» Срезневскаго въ 1831 г. имѣютъ отрывочный афористическій характеръ; онѣ еще не систематизированы; но отъ нихъ уже вѣетъ духомъ глубокой ученой пытливости: «Грамматика есть статистика языка; она схватываетъ и рисуетъ искусной кистью одну минуту жизни его. Соединеніе сихъ картинъ въ одно цѣлое составитъ исторію языка». Нельзя не замѣтить, что «Мысли» Срезневскаго 1849 г. представляютъ дальнѣйшее развитіе этой ранней юношеской задачи. Лингвистъ искусной кистью набрасываетъ рядъ картинъ въ развитіи русскаго языка и связываетъ ихъ въ одно органически стройное цѣлое.

---

*) Нельзя не отмѣтить любопытнаго совпаденія, что и другой знаменитый филологъ—питомецъ Харьковскаго университета—Потебня началъ съ философіи языка и впослѣдствіи, подобно Срезневскому, углубился въ детали его изученія.

Возьмемъ еще слѣдующую «Мысль» 1831 г.: «Въ образованіи языка есть три періода. Первый періодъ — время нуждъ, языкъ выражаетъ одно необходимое, которое ограничивается матеріальнымъ. Второй періодъ — время поэзіи и перваго появленія наукъ. Третій періодъ — время, въ которое языкъ, совершенствуясь, стремится къ усовершенствованію наукъ». Нынѣ совершенно ясно, какъ была глубока и благотворна эта мысль юнаго лингвиста, и какое свѣтлое пророчество заключается въ ней для будущаго русской филологіи, для трудовъ Потебни, Веселовскаго и другихъ ея славныхъ представителей.

Глубоко правъ былъ другъ Срезневскаго, Шпигоцкій, который въ 1831 г. писалъ ему: «Поздравляю, душевно поздравляю тебя, юный орленокъ, съ первымъ порывомъ крылъ твоихъ, смѣлымъ размахомъ сулящихъ многое со временемъ». Харьковскія статьи Срезневскаго дѣйствительно представляются первыми порывами юнаго орла науки, сильнаго размаха. Срезневскій — юристъ по подготовкѣ — съ первыхъ шаговъ однако уже стремится къ славянской филологіи.

Въ 1832 г. онъ собираетъ пѣсни у заѣзжихъ словаковъ-торговцевъ и издаетъ ихъ съ примѣчаніями, въ которыя вставляетъ, между прочимъ, двѣ украинскихъ народныхъ пѣсни — «Снився дівчиноньці дівненький сон» и «Дівчинонько молодая, люби мене молодого». Первая пѣсня извѣстна въ печати во многихъ варіантахъ, встрѣчается, между прочимъ, въ V т. «Трудовъ» П. П. Чубинскаго.

Наиболѣе крупнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе неудачнымъ проявленіемъ живого интереса Срезневскаго къ малорусской словесности и исторіи служитъ его «Запорожская Старина», выходившая выпусками съ 1833 по 1838 г.

Запорожская Старина отличается тѣмъ литературнымъ направленіемъ, которое господствовало въ Харьковѣ въ 30-хъ годахъ и было осуждено самимъ Срезневскимъ въ прощальной рѣчи къ студентамъ при отъѣздѣ въ Петербургъ въ 1847 г.

Срезневскій въ предисловіи говоритъ о семилѣтнемъ собираніи матеріаловъ, — другими словами съ 1826 г., когда собирателю было всего 14 лѣтъ; такой юный возрастъ долженъ былъ отразиться на сборникѣ, и онъ отразился въ чрезмѣрномъ энтузіазмѣ, въ недостаткѣ критики и въ искусственномъ сочинительствѣ.

Въ предисловіи къ «Запорожской Старинѣ» 1833 г. Срезневскій объясняетъ, что, издавая «Запорожскую Старину», онъ хочетъ оказать услугу не однимъ любителямъ народной поэзіи, но преимущественно любопытствующимъ знать старину запорожскую — бытъ, нравы, обычаи, подвиги этого народа воиновъ. Гораздо точнѣе цѣль изданія формулирована въ письмѣ Срезневскаго къ Гоголю въ февралѣ 1834 г., т. е. почти черезъ годъ, когда для него самого эта цѣль стала болѣе ясной. Тутъ Срезневскій говоритъ, что, издавая «Запорожскую Старину», онъ имѣлъ въ виду двѣ цѣли: 1) представить важность малорусской народной словесности въ смыслѣ историческомъ и этнографическомъ и 2) опредѣлить отношеніе народной словесности къ лѣтописямъ и народнымъ преданіямъ. Цѣли широкія, впервые обдуманно формулированныя; поставленныя молодымъ ученымъ задачи нашли свое рѣшеніе много лѣтъ спустя въ трудахъ Житецкаго и В. Н. Перетца. Срезневскій не могъ ихъ выполнить. «Запорожская Старина» вылилась въ форму сборника пѣсенъ, частью народныхъ, большей частью поддѣльныхъ, и съ обширными переска-

зами украинскихъ лѣтописей, преимущественно «Исторіи Руссовъ» псевдо-Конисскаго.

«Запорожская Старина» выдвинула Срезневскаго и создала ему обширныя литературныя и научныя знакомства. Бодянскій открылъ для него страницы своихъ «Чтеній»; Костомаровъ руководствовался доставленными имъ лѣтописными матеріалами, долгое время не замѣчая ихъ фальшивости; Максимовичъ перепечатывалъ думы и пѣсни; Гоголь восторженно привѣтствовалъ Запорожскую Старину и въ ней черпалъ свои свѣдѣнія по исторіи Малороссіи; въ 1834 г. онъ писалъ Срезневскому: «Гдѣ выкопали вы столько сокровищъ! Всѣ думы . . . ослѣпительно хороши».

Но время шло, назрѣвала критика и вмѣстѣ съ тѣмъ осужденіе. Уже при самомъ выходѣ Запорожской Старины въ 1838 г. въ краткой безыменной рецензіи въ Библ. для Чтенія было отмѣчено, что «трудъ этотъ не имѣетъ ученой формы», но въ видѣ поощренія тутъ же добавлено, что «любителямъ исторіи онъ обѣщаетъ занимательное чтеніе». Максимовичъ незадолго до смерти, бывши въ Петербургѣ, говорилъ, что онъ «введенъ былъ въ заблужденіе». Нѣсколько лѣтъ позднѣе въ 1874 г., Антоновичъ и Драгомановъ въ предисловіи къ 1 т. «Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа» отмѣтили много поддѣльныхъ пѣсенъ. Суровый отзывъ далъ Костомаровъ въ письмѣ къ Корсуну 1880 г. (Рус. Арх., 1890, т. III, стр. 218): онъ называетъ вліяніе «Запорожской Старины» зловреднымъ, сожалѣетъ, что долго довѣрялся учености Срезневскаго и утверждаетъ, что Срезневскій въ Запорожской Старинѣ «не только печаталъ фальшивые стихи, выдавая ихъ за народныя пѣсни и думы, но даже подставлялъ и сообщалъ фальшивыя лѣтописныя повѣствованія». Срезневскій, по словамъ Косто-

марова, вполнѣ сознавалъ грѣхъ свой и удалялся не только отъ повторенія его, но даже избѣгалъ разговоровъ и упоминаній о его «Запорожской Старинѣ». Авторъ обширной и цѣнной біографіи И. И-ча — В. И. Срезневскій говоритъ, что И. И. «не отвѣчалъ критикамъ своей юношеской работы, потому что ранѣе ихъ увидѣлъ ея недостатки и понялъ, что среди его корреспондентовъ были люди недобросовѣстные». Несправедливо въ данномъ случаѣ перекладывать всю вину на корреспондентовъ. Къ тому же на сочиненіе народныхъ пѣсенъ и поддѣлку подъ народныя пѣсни въ 30-хъ годахъ смотрѣли очень легко, не связывая съ этимъ понятія о недобросовѣстности. Чтобы спорить съ такими критиками, какъ Антоновичъ, Костомаровъ и Драгомановъ, нужно было быть во всеоружіи знаній въ области малорусской исторіи и этнографіи, между тѣмъ къ 70-мъ годамъ оба эти предмета были уже совсѣмъ чужды Срезневскому и далеко стояли отъ его ученыхъ интересовъ.

Уже въ первыхъ трудахъ — «Запорожской Старинѣ» и «Взглядѣ на памятники украинской народной словесности» въ Срезневскомъ обнаруживается ученый систематикъ; на первыхъ порахъ онъ уже задумывается, какъ дѣлить пѣсни. Распредѣленіе пѣсенъ — дѣло трудное, и въ настоящее время нѣтъ по этому вопросу прочно установленныхъ основаній; тѣмъ болѣе ихъ недоставало въ 30-хъ годахъ, при самомъ возникновеніи собиранія пѣсенъ. Не удивительно, что и Срезневскій находился въ большомъ затрудненіи. Въ предисловіи къ Запорожской Старинѣ онъ предлагалъ дѣлить пѣсни на историческія, этнографическія, религіозныя, годомъ позже во «Взглядѣ» рекомендовалъ уже другое дѣленіе, сложное и запутанное. Украинская литература раздѣлена на два большихъ отдѣла: 1) народныя преданія и

2) сочиненія болѣе или менѣе ученыхъ писателей (писатели эти авторомъ не отмѣчены). Въ статьѣ рѣчь идетъ исключительно о первомъ отдѣлѣ—о народной словесности, причемъ Срезневскій дѣлитъ ее на 1) думы и пѣсни, 2) сказки, 3) похвалки, 4) пословицы и поговорки, 5) загадки и 6) заговоры. Пѣсни и думы подѣлены на миѳическія, былевыя, нравоучительныя, военныя, анакреонтическія и юмористическія. Въ частности пѣсни миѳическія подраздѣлены на пѣсни миѳическія по содержанію и миѳическія по припѣву; пѣсни былевыя на пѣсни объ историческихъ личностяхъ и думки о лицахъ, исторіи неизвѣстныхъ; пѣсни военныя на 1) казацкія и гайдамацкія и 2) казацко-селянскія. Кромѣ этихъ дѣленій и подраздѣленій, не получившихъ въ наукѣ права гражданства, Срезневскій дѣлилъ пѣсни на два обширныхъ отдѣла—обрядныя и домашнія.

Срезневскій не забылъ сказокъ. Онъ выдвигаетъ важность изученія ихъ въ двухъ направленіяхъ, во первыхъ, какъ чистый источникъ для вдохновленія поэтовъ и во вторыхъ, какъ памятникъ народныхъ вѣрованій; онъ предлагаетъ дѣлить сказки на миѳическія, былевыя и фантастико-юмористическія. Въ особую группу выдѣлены «похвалки»—небольшія сказки вродѣ басенъ, большей частью сатирическаго содержанія.

Пословицы подѣлены на эпическія, юмористическія и былевыя.

Во «Взглядѣ», кромѣ сухой систематики пѣсенъ и сказокъ, есть нѣсколько жизненныхъ замѣчаній объ ихъ исполнителяхъ, именно, приведено нѣсколько интересныхъ примѣровъ способности малорусской женщины создавать пѣсни. Такъ, одна молодая крестьянка быстро сложила пѣсню о ясномъ солнцѣ, свѣтломъ мѣсяцѣ и яркой звѣз-

дочкѣ, съ послѣдующимъ сравненіемъ съ ними двухъ братьевъ и сестры. Другая женщина старушка за нѣсколько грошей такъ быстро складывала колядки, что Срезневскій еле успѣвалъ за ней записывать.

Въ 40-хъ годахъ И. И. еще интересовался малорусской этнографіей и изучалъ ее. Подтвержденіемъ служитъ его большая рецензія на диссертацію Костомарова о значеніи русской народной поэзіи въ Москвитянинѣ 1844 г. и въ особенности его содержательныя дополненія къ статьѣ Сементовскаго о малорусскихъ народныхъ праздникахъ въ Маякѣ 1843 г. Изъ «Дополненій и замѣчаній» Срезневскаго видно его обширное и основательное знакомство съ сочиненіями польскихъ ученыхъ о южной Россіи, именно съ сочиненіями Залѣсскаго, Паули, Лозинскаго, Войцицкаго, Голембіовскаго, Ходаковскаго, Червинскаго и Вагилевича. Нѣкоторыя дополненія довольно обширны. Всѣхъ дополненій 12.

1) Срезневскій, указывая на русинскій дѣтскій праздникъ 12 марта, высказываетъ предположеніе, что праздникъ этотъ, вѣроятно, существуетъ и въ Россіи.

2) Описаніе общеславянской хороводной игры въ короля или въ царицу.

3) Изложеніе пріуроченныхъ къ Юрьеву дню повѣрій галицкихъ горцевъ Бойковъ о дѣдькахъ, или домовыхъ.

4) Описаніе обрядовъ, бывающихъ въ Галиціи на Свѣтлое Христово Воскресеніе и на Проводы; главнѣйшіе изъ нихъ: смигурстъ или дынгусъ — обливаніе водой парубковъ дивчатами и обратно, на второй и третій день Пасхи, и гаилки — хороводные танцы дѣвушекъ на кладбищѣ. Приведена одна старинная пѣсня.

5) Начало мая и Зеленая недѣля. Приведено нѣсколько

малороссійскихъ пѣсенъ миѳологическаго содержанія и одна пѣсня историческая.

6) О русалкахъ, мавкахъ, или, какъ ихъ въ Галиціи называютъ, майкахъ.

7) О Купалѣ. Небольшое извлеченіе изъ рукописнаго (XVIII в.) житія князя Владимира.

8) Объ обжинкахъ. Нѣсколько галицкихъ пѣсенъ.

9) Объ осеннихъ гаданіяхъ. Гаданіе о томъ, кому умереть.

10) Колядованіе. Любопытный обрядъ внесенія въ хату дѣда (ржанаго снопа). Нѣсколько «привитаній». Колядка о сотвореніи міра двумя голубями.

11) Встрѣча и празднованіе Новаго года.

12) Великій постъ. Сожженіе чучела изъ гороховой зелени въ среду на первой недѣлѣ Великаго поста; очищенье домовъ и купанье въ Чистый четвергъ.

Особенно интересенъ отзывъ Срезневскаго о литературной дѣятельности Квитки — его малорусскихъ повѣстяхъ, высказанный въ некрологѣ Квитки въ Москвитянинѣ 1843 г. «Худо бы оцѣнилъ его литературныя заслуги тотъ, кто бы видѣлъ въ немъ только остроумнаго разсказчика-наблюдателя. Какъ ни глубоко онъ зналъ общество, какъ ни искусно его живописалъ, какъ ни сильно дѣйствовалъ на него, не въ этомъ, однако, его истинная слава. Заслуги его, какъ писателя народнаго, какъ народнаго учителя, несравненно важнѣе. Глубоко понималъ онъ, какъ необходимо говорить народу его живымъ языкомъ, искреннимъ и простодушнымъ, безъ всякихъ вычуръ требованій моды, чтобы пробудить въ немъ охоту читать и учиться и любовію къ книгѣ — душевное сознаніе. Все, что написано Квиткой-Основьяненкомъ на нарѣчіи нашего края, свидѣ-

тельствуетъ это благородное стремленіе его наставлять тѣхъ, на которыхъ дѣйствовать можетъ языкъ человѣческій только въ той формѣ, къ какой привыкли они съ дѣтства въ своемъ простомъ сельскомъ быту. Мы читали эти сочиненія, какъ произведенія художества, потому что художникъ писалъ ихъ; но увлекалъ онъ насъ, думая не о насъ, а о томъ множествѣ, для котораго у насъ еще такъ мало написано, и которому однако нужно истолкованіе истинъ, оправданныхъ вѣрой и наукой, правилъ мысли и жизни. Квитка-Основьяненко былъ и надолго останется первымъ народнымъ писателемъ въ Украинѣ». Эта широкая и гуманная оцѣнка Квитки, какъ писателя, находитъ полное историческое оправданіе; вмѣстѣ съ тѣмъ она говоритъ о широтѣ и гуманности воззрѣній самого автора; мнѣніе Срезневскаго въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе интересно, что высказано оно Срезневскимъ уже по возвращеніи его изъ-заграницы, когда его малорусскія этнографическія и историческія изученія и симпатіи пошли на убыль.

Подъ вліяніемъ малорусской народной поэзіи Срезневскій въ молодости увлекался исторіей Малороссіи; онъ читалъ южнорусскія лѣтописи, многое заимствовалъ изъ Исторіи Руссовъ псевдо-Кониськаго. Въ тридцатыхъ годахъ онъ скомпилировалъ главнымъ образомъ по Шафонскому нѣсколько популярныхъ историческихъ очерковъ о Юріи Хмельницкомъ, Выговскомъ, Морозенкѣ, Мазепѣ, Паліѣ, и помѣстилъ ихъ во 2 т. Запорожской Старины. Въ повѣсти «Майоръ» И. И. пробовалъ писать въ томъ беллетристическомъ направленіи, въ какомъ позднѣе писали Костомаровъ и Мордовцевъ, но вскорѣ остановился, нужно думать, въ сознаніи, что для такого рода дѣятельности ему недоставало литературнаго таланта, недоставало воображенія.

Гораздо удачнѣе былъ другой опытъ Срезневскаго въ украинской исторіографіи, его «Историческое обозрѣніе гражданскаго устройства Слободской Украины», большая статья въ Харьковскихъ Вѣдомостяхъ 1839 г. Приступая къ этому труду, Срезневскій имѣлъ только одного предшественника—Г. Ѳ. Квитку-Основьяненка, автора «Записки о Слободскихъ полкахъ» 1812 г. и небольшихъ замѣтокъ въ Харьковскихъ Вѣдомостяхъ 1838 г. Срезневскій излагаетъ исторію Слободской Украины со времени ея возникновенія, по мнѣнію автора, въ 1640 г. до преобразованія въ губернію въ 1765 г. Въ теченіе долгаго времени этотъ трудъ Срезневскаго считался крупнымъ; онъ былъ перепечатанъ проф. Сокальскимъ въ Статистическомъ Листкѣ 1883 г., черезъ 44 года. Въ рукахъ Срезневскаго были такіе матеріалы, которые впослѣдствіи безслѣдно исчезли, напр. фамильная лѣтопись Квитокъ. Срезневскій, однако, не использовалъ ихъ въ достаточной мѣрѣ, не сдѣлалъ изъ нихъ извлеченій, о чемъ позднѣе, въ 1886 г., жалѣлъ лучшій современный намъ историкъ Слободской Украины проф. Д. И. Багалѣй (въ 1 т. Сборн. Харьк. Ист. Фил. общ.).

Періодъ первый (отъ начала XVII ст. до 1700 г.).

Глава первая. Взглядъ на состояніе Слободской Украины до заселенія ея южно-руссами въ началѣ XVII ст.

Глава вторая. Время заселенія. Срезневскій относитъ его къ 1640 г. и продолжительность его опредѣляетъ приблизительно въ десять лѣтъ. Онъ говоритъ, что въ это время поселенцы являлись массами; но приходили они и позднѣе, только въ небольшомъ количествѣ.

Глава третья. Населеніе Слободской Украины. Срезневскій указываетъ на три главныя переселенія изъ Гетманщины въ Слободскую Украину: 1) около 1640—1645 г.,

въ количествѣ 10000 чел. изъ-за Днѣпра, преимущественно Черкасскаго повѣта; 2) въ 1645—1647 годахъ—изъ Подднѣпровья, въ количествѣ 1247 семей, или дворовъ и 2000 казаковъ. Въ это время появились въ здѣшнемъ краѣ Шидловскіе, Квитки, Захаржевскіе, Кондратьевы и другія знатныя казацкія лица, составившія мѣстную аристократію; 3) въ 1650—1651 г., въ неизвѣстномъ числѣ. Переселенія мало по малу продолжались,—и въ 1654 году, когда лѣвобережная Украина отошла къ Московскому государству, въ Слободской Украинѣ считалось 80—100.000 жителей.

Глава четвертая. Общественный бытъ и устройство. Поселенцы осѣли слободами, изъ которыхъ возникли города, причемъ ранѣе другихъ упоминаются Валки. Масса населенія раскинулась хуторами. Высшее сословіе состояло изъ помѣщиковъ или войсковой старшины, низшее—изъ селянъ, мѣщанъ и выборныхъ казаковъ. Населеніе края дѣлилось на полки; первоначально было три полка: Сумской, Ахтырскій и Харьковскій; впослѣдствіи были образованы еще два: Изюмскій и Острогожскій. Полковымъ начальствомъ были: полковникъ, обозный, судья, эсаулъ, хорунжій и два писаря. Главныя полковыя дѣла рѣшали на Радѣ, причемъ только одинъ полковникъ имѣлъ два голоса. Полки раздѣлялись на сотни, управляемыя сотникомъ, атаманомъ (судья), эсауломъ, писаремъ и хорунжимъ.

Глава пятая. Отношенія Слободской Украины къ Малой Россіи, къ Татарамъ и къ Царству Русскому. Здѣсь рѣчь идетъ о полной независимости Слободской Украины отъ малороссійскихъ гетмановъ, о ея борьбѣ съ татарскими хищниками и преданности Русскому царю.

Періодъ второй (1700—1765).

Глава первая. Общій взглядъ. Переселенія въ здѣшній край великороссіянъ и сербовъ; появленіе цыганъ. Ослабленіе татарскихъ набѣговъ. Упадокъ казачества.

Глава вторая. Начало преобразованій въ Слободской Украинѣ во время Петра Великаго. Измѣненія територіальныхъ границъ края и нововведенія въ казацкой службѣ. Перепись населенія.

Глава третья. Ходъ гражданскаго устроенія Слободской Украины во время царствованія императрицы Анны. Преобразованія, произведенныя кн. Шаховскимъ. Учрежденіе Канцеляріи Коммиссіи Учрежденія Слободскихъ полковъ. Запрещеніе занимать новыя земли (1735). Образованіе драгунскаго полка. Ограниченіе власти полковниковъ. Развитіе взяточничества. Тяжесть содержанія 8-ми драгунскихъ полковъ. Бѣгство слобожанъ на Донъ и Волгу. Снисхожденіе правительства къ нуждамъ мѣстнаго населенія и уменьшеніе полковъ (оставлено на постоѣ 3 драгунскихъ полка и 1 гарнизонный).

Глава четвертая. Измѣненія въ гражданскомъ устройствѣ Слободской Украины въ царствованіе императрицы Елизаветы и въ началѣ царствованія Екатерины II. Льготы и облегченія населенія. Уничтоженіе мѣстнаго драгунскаго полка. Уничтоженіе Канцеляріи Коммиссіи. Поправленіе городовъ. Развитіе торговли и промышленности. Очищеніе края отъ бродягъ и разбойниковъ.

Глава пятая. Преобразованіе Слободской Украины въ губернію. Освобожденіе духовенства и дворянства отъ платежа подати. Духовныхъ и дворянъ считалось около 15.000. Простой народъ платилъ подати въ разномъ количествѣ: а) войсковые обыватели, имѣвшіе право курить и продавать вино (около 300.000 чел. обоего пола), по

95 коп. съ души; б) войсковые обыватели, не имѣвшіе этого права (около 45.000 чел. обоего пола), по 85 коп. съ души; в) владѣльческіе подданные, жившіе на Дону (около 40.000 чел. обоего пола), по 70 коп. и г) владѣльческіе подданные, жившіе собственно въ предѣлахъ нынѣшней Харьковской губ. и въ Острогожскомъ уѣздѣ Воронежской губ. (около 650.000 чел. обоего пола), по 60 коп. съ души. Податныхъ было, слѣдовательно, около 1.035.000 чел., а всего населенія Слободско-Украинской губерніи 1.050.000 чел. Въ 1765 г. губернскимъ городомъ былъ назначенъ Харьковъ, а уѣздными: Сумы, Ахтырка, Изюмъ и Острогожскъ. Первымъ губернаторомъ былъ Щербининъ.

Срезневскій живо интересовался новорожденной украинской литературой. Онъ ѣздилъ въ Полтаву, чтобы познакомиться съ Котляревскимъ, и описалъ пріемъ, оказанный ему патріархомъ украинской литературы; онъ познакомился съ Квиткой; болѣе всего его привлекала оригинальная личность Сковороды. Много разъ Срезневскій пробовалъ писать о немъ, то въ формѣ научнаго трактата, то въ формѣ беллетристической. Философъ-мистикъ не давался въ руки молодому ученому реалистическаго склада ума и характера; отзывы Срезневскаго о Сковородѣ требуютъ нынѣ поправки, что, однако, не умаляетъ ихъ серіознаго историко-литературнаго значенія.

Во «Взглядѣ на украинскую словесность» 1834 г. Срезневскій ставитъ Сковороду въ число писателей, содѣйствовавшихъ развитію украинскаго языка. Въ дѣйствительности Сковорода писалъ особымъ языкомъ, представляющимъ смѣсь разнородныхъ лингвистическихъ элементовъ. Ни по содержанію, ни по формѣ сочиненія Сковороды не

принимали участія въ созданіи современнаго малорусскаго литературнаго языка.

Въ «Московскомъ Наблюдателѣ» 1836 г. въ беллетристическомъ разсказѣ «Майоръ» Срезневскій рисуетъ Сковороду какъ человѣка съ большими противорѣчіями: «глаза его (т. е. Сковороды) блестятъ то гордостью академика, то глупостью нищаго, то невиннымъ простодушіемъ дитяти...; говорить умѣетъ и любитъ, и говоритъ иногда, какъ добрый украинецъ; зато умѣетъ и подурачить другихъ вмѣстѣ съ самимъ собою и ученостью, и умомъ, и благочестіемъ, и часто уловками пронырливаго попрошайки. Но онъ добръ, и честенъ и прямодушенъ». Такую характеристику Сковороды нельзя принять. Личность этого странствующаго философа-мудреца хорошо извѣстна по превосходной біографіи его ученика Коваленскаго. Сковорода былъ человѣкъ цѣльный, глубоко искренній; искалъ всегда только добра и правды.

Расположеніе Срезневскаго къ Сковородѣ было довольно устойчивое: выразилось оно и въ 40-ые годы—въ третьей уже статьѣ его въ «Молодикѣ» Бецкаго 1843 г. Здѣсь Срезневскій сдѣлалъ нѣсколько выписокъ изъ писемъ Сковороды къ Бабаевскому священнику Іакову Правицкому и привелъ обширную выдержку изъ выдающагося сочиненія Сковороды, до сихъ поръ неизданнаго полностью по цензурнымъ условіямъ, изъ его «Израильскаго Змія».

Срезневскій несомнѣнно былъ знакомъ съ сочиненіями Сковороды и высоко цѣнилъ ихъ. Въ повѣсти «Майоръ» онъ вкладываетъ въ уста майора такія слова: «Прійдетъ, Григорій Савичъ, и твое время, узнаютъ тебя, оцѣнятъ тебя». И такое время пришло, только не скоро. Около 60 лѣтъ Сковорода находился въ забвеніи, до 1894 г., когда Харь-

ковское историко-филологическое общество собрало его сочиненія и издало ихъ съ обширнымъ комментаріемъ проф. Д. И. Багалѣя. Съ этого времени Сковорода сталъ привлекать къ себѣ серьезное вниманіе.

Срезневскій до такой степени былъ заинтересованъ Сковородой, что сдѣлалъ интересный опытъ популяризаціи его идеи въ беллетристической формѣ. Въ повѣсти «Майоръ» онъ привелъ нѣсколько его разсужденій о Богѣ, мірѣ, любви. «Въ мірѣ семъ искать рая?» вопрошаетъ Сковорода, и даетъ такой отвѣтъ: «Рай—небо, рай—Богъ. . . . , Богъ всюду, и всюду гдѣ Богъ — есть рай, и гдѣ нѣсть Бога — нѣсть рая. Такъ есть рай и на землѣ, ибо и Богъ есть на землѣ. А гдѣ Онъ на землѣ? Гдѣ благо. А гдѣ благо? Весь міръ, вся вселенная есть единое великое благо, ибо всеблагимъ Творцомъ сотворена. И всюду найдешь Его. Не ищи его за Индомъ, не ищи у верховій Нила, не будь ни вельможей, ни ростовщикомъ, будь только человѣкомъ, — слышишь? — человѣкомъ, — и обрѣтешь благо, и узришь рай . . . Люби Бога, люби тою же любовью ближняго всѣхъ ближнихъ, всѣхъ живыхъ столько же, какъ и умершихъ и нерожденныхъ. Всѣ они братья твои, родъ твой, радость твоя, надежда твоя, молитва твоя, вѣнецъ твой, всѣ, всѣ,—и всѣхъ люби, и Бога, и будетъ тебѣ рай».

Нужно поставить Срезневскому въ заслугу, что онъ, не смотря на молодые годы, почувствовалъ влеченіе къ глубокому мыслителю моралисту и сдѣлалъ опытъ популяризаціи его гуманной философіи въ беллетристической формѣ, подъ вымышленной фабулой, какъ майоръ хотѣлъ женить Сковороду на своей миловидной дочери, какъ философъ сбѣжалъ изъ подъ вѣнца, и на просторѣ украинскихъ полей заигралъ на флейтѣ свою любимую пѣсню:

О Боже, о живый глаголъ!
Кто есть безъ тебя веселъ,
Ты единъ всѣмъ жизнь и радость,
Ты единъ всѣмъ рай и сладость!

Сравнивая ученые труды Измаила Ивановича въ Харьковѣ и въ Петербургѣ, нельзя не признать громаднаго превосходства трудовъ петербургскихъ. Разница эта находитъ достаточное объясненіе въ томъ, что въ Петербургѣ Срезневскій работалъ въ расцвѣтѣ своихъ силъ и таланта, послѣ плодотворнаго трехлѣтняго заграничнаго путешествія, при возможности пользоваться всѣми учеными пособіями столицы.

Рѣзкую разницу въ данномъ случаѣ можно замѣтить не у одного Срезневскаго, но также у двухъ другихъ славныхъ питомцевъ Харьковскаго университета—Костомарова и Сухомлинова. Ихъ харьковскіе ученые труды сравнительно съ болѣе поздними петербургскими представляются сравнительно весьма слабыми. Главная причина—недостатокъ ученыхъ средствъ и пособій.

Если формулировать съ одной стороны вліяніе мѣстной харьковской общественной среды на Срезневскаго, а съ другой обратное вліяніе Срезневскаго на мѣстное общество, то нужно признать, что для Срезневскаго пройденная имъ предварительно мѣстная украинофильская школа была полезна; она внесла вдохновленіе, любовь къ народу, желаніе работать для него; она выдвинула мелкаго провинціальнаго чиновника, какимъ тогда былъ Срезневскій, юнаго по возрасту и по служебному положенію университетскаго преподавателя статистики — предмета, по условіямъ того времени, безпочвеннаго и безплоднаго. Украинофильская среда, въ которой вращался Срезневскій, обратила его къ изученію народной жизни, языка и литературы, пріучила его

къ наблюденіямъ надъ народнымъ бытомъ, снабдила большимъ запасомъ этнографическихъ свѣдѣній. Пріобрѣтенный большой опытъ по народоизученію Срезневскій вскорѣ широко использовалъ во время путешествія по западнославянскимъ странамъ. Самъ Срезневскій на свое украинофильство смотрѣлъ, какъ на переходную ступень, и такой взглядъ для него, какъ великоросса, вполнѣ естественъ. Передъ заграничнымъ путешествіемъ онъ предпринялъ прогулку по Харьковской и Полтавской губерніямъ — по мѣстности типично украинской, въ бассейнахъ Ворсклы и Псла: Харьковъ — Богодуховъ — Ахтырка — Гадячъ — Ромны — Лубны — Хоролъ — Полтава. Это было въ іюлѣ 1839 г. По поводу этого путешествія И. И. писалъ Снегиреву: «авось успѣю изъ этого маленькаго путешествія сдѣлать для себя образчикъ того, что долженъ буду сдѣлать въ большомъ размѣрѣ, если буду утвержденъ на путешествіе по славянскимъ землямъ». На весь первый харьковскій періодъ дѣятельности Срезневскаго съ 1832 по 1839 г. можно смотрѣть, какъ на «образчикъ», пробу пера, на которую авторъ, по достиженіи высшихъ ступеней, уже не обращалъ вниманія.

Выступивъ на литературное поприще подъ сильнымъ воздѣйствіемъ мѣстныхъ писателей, Срезневскій, какъ человѣкъ большой энергіи, оказывалъ обратно немалое на нихъ вліяніе. Такъ, въ 1830 г. онъ писалъ въ Москву своему товарищу по университету Евецкому: «напиши (для Украинскаго Альманаха) что-нибудь юмористическое, но что бы касалось Украины».

Особенно сильно повліялъ Срезневскій на Костомарова. «Знакомство это (съ Срезневскимъ)», пишетъ Н. И. Костомаровъ въ автобіографіи, «возымѣло сильное на меня

Измаилу Ивановичу Срезневскому

Пай милосердный
Бôгъ та святая
Дѣва Марія
Тебе боронять!
Майское поле,
Квѣтки червоні —
Шляхъ буде твій
Осîнь червона,
Жовтее жниво —
Твій узворотъ.
Коли жъ, звернувшись,
Знову очима
Й серцемъ шукати
Станешь своихъ,
Море якого
Бôльшъ не зробачишъ.
Друже коханый!
Въ щастьтѣ и въ лиху,
Въ волѣ й неволѣ,
Въ рôдному краю,
И на чужинѣ,
И на сиимъ свѣтѣ —
Пріязна, мила
Буде для мене
Згадка твоя!

Іеремія Галка

Сентября 14-го

Стихи на память И. И. Срезневскому отъ Н. И. Костомарова.

вліяніе. И. И., въ то время хотя еще очень молодой человѣкъ, былъ глубоко начитанъ, замѣчательно уменъ, съ большимъ жаромъ и охотою къ научному труду. Я сталъ часто посѣщать его, и домъ его сдѣлался любимымъ мѣстомъ отдыха и обмѣна мыслей». По собственному признанію Костомарова, И. И. сильно способствовалъ развитію въ немъ стремленія къ изученію малорусской народности. При его помощи, Костомаровъ сталъ изучать малорусскій языкъ, мало ему знакомый, и малорусскія повѣсти Квитки.

Вѣроятно, не безъ вліянія Срезневскаго Костомаровъ написалъ въ 1843 г. диссертацію «Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи». Срезневскій отнесся къ этому труду съ большимъ одобреніемъ и напечаталъ въ Москвитянинѣ 1844 г. лестную для автора рецензію. Сдѣлавъ обзоръ содержанія и нѣсколько извлеченій, И. И. находилъ, что трудъ Костомарова драгоцѣнный подарокъ для литературы и ученыхъ. Недостатками диссертаціи рецензентъ считалъ недостаточную разработанность пѣсенъ и полное невниманіе къ сказкамъ. Костомаровъ любилъ свой ранній трудъ, признавалъ основательность критическихъ замѣчаній Срезневскаго и въ концѣ жизни переработалъ его въ статьяхъ о малорусскихъ историческихъ пѣсняхъ, напечатанныхъ въ 1872 г. въ журналахъ «Бесѣда» и «Русская Мысль».

Въ заключеніе можно повторить вслѣдъ за университетскимъ товарищемъ И. И-ча, Шпигоцкимъ, что Срезневскій съ первыхъ своихъ шаговъ въ Харьковѣ обнаружилъ орлиный полетъ, рано понесся въ научныя высоты и своими смѣлыми порывами увлекъ съ собою наиболѣе талантливыхъ своихъ друзей, товарищей и учениковъ.

Проф. Н. Ф. Сумцовъ.

